

КОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ И ПОЭТИКА МИФА

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, директор, Северокавказский научно-исследовательский институт филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9, e-mail: info@pglu.ru.

Калабергенова Айнара Кадрбаевна, аспирант, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9, e-mail: info@pglu.ru.

В статье говорится о том, что мифы представляют собой архетипы, заполненные символами; они несут важнейшую функцию сохранения социального опыта в коллективной памяти, они соотносят «желаемое» с опытом и задают тем самым алгоритм всего общественного развития. Поскольку социальный опыт – результат определенного взаимодействия различных объектов, коллективная память должна содержать, помимо их отдельных цельных образов, и совокупный зрительный образ некой истории, эмпирически фиксирующей данное взаимодействие. Образ такой истории в ее иноказательно-символическом выражении мы, собственно, и назвали мифом.

Ключевые слова: миф, архетип, символ, коллективная память, история, социальный опыт, язык.

COGNITIVE ESSENCE AND MYTH POETICS

Kaziyeva Almira M., Doctor of Philology, professor, director, North Caucasian research institute of philology, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, Stavropol Region, ave. of Kalinin, 9, e-mail: info@pglu.ru.

Kalabergenova Aynara K., post-graduate student, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, Stavropol Krai, ave. of Kalinin, 9, e-mail: info@pglu.ru.

In article it is spoken that myths represent the archetypes filled in the symbols; they bear the major function of conservation of social experience in collective memory, they correlate "desirable" with experience and specify to that algorithm of all social development. As social experience – result of the certain interoperability of various objects, collective memory should contain, besides their separate integral images, and a cumulative vision of the certain history empirically locating given interoperability. In its is allegoric-symbolical expression we, actually, also have named an image of such history a myth.

Key words: myth, archetype, symbol, collective memory, history, social experience, language.

Мир мифа – мир многогранный, имеющий не одну плоскость и не одно измерение. Мир мифа многолик. Он может быть истиной и ложью, бредом больного сознания и проблемском пока еще не признанного гения. В широком смысле слова миф – это созданная реальностью нереальная картина мира. Мифами мы называем все то, что существует, не находя своего реального воплощения, но создавая вполне реальную видимость о своей реальности. Миф есть переплетение реальности и нереальности, истины и лжи, достоверности и вымысла, аллегории и прямого смысла.

Некогда миф претендовал на то, чтобы быть единственной полноценной картиной мира, и на протяжении нескольких десятков тысяч лет он таковым и являлся. В сравнении с ним научное знание «выглядит» младенцем, так как возрасту науки от силы несколько столетий. Миф поэтому есть «весьма почтенный старец», он «дедушка науки» и «отец философии», но развитие философии и науки оттеснило его на второй план, сделав его их послушным подмастерьем. С помощью мифа философы и ученые стали объяснять то, что они не могли еще описать в рамках норм своих дисциплин. Миф оказался удобным средством объяснения того, что малопонятно на на-

учном языке, или того, чего еще в природе реально не существует, но может уже появиться завтра благодаря развитию науки.

Для древних миф представлял собой Великое Знание, которое имело Божественное происхождение, поэтому отношение к нему было благоговейным. Миф определял модель поведения человека, его место в мире и социуме, его отношения с Природой и другими людьми. Миф содержал весь комплекс элементов, необходимых для нормальной жизнедеятельности общества в соответствии с законами, имплицитно выраженными в мифе.

Древним было очевидно, что истоки мифа находятся вне человеческого сознания, поэтому они не видели в этой мудрости ничего, что исходило бы из опыта человека и его мыслительной деятельности. Миф, скорее, был средством, соединявшим человека с «небесами», своего рода мостом между двумя мирами.

Согласно положениям древних, миф был дан человеку в помощь на начальных этапах истории человечества. Полагаем, что этот самый ранний миф, к которому восходят все последующие мифы, представляет собой символично-знаковую структуру, некую прасхему, содержащую в себе, как в зародыше, мифические сюжеты и реалии. Условно этот изначальный миф можно назвать Мономифом, поскольку он обладает качеством единственности. Собственно к Мономифу и восходят все мифы [1, с. 52].

Миф (Мономиф) являет собой своеобразную ткань-матрицу, узлы на которой – знаки особой природы. Мы называем их мифообразующими знаками. Они характеризуются набором специфических свойств, которые определяют своеобразие как Мономифа, так и мифов. Наиболее существенными чертами мифообразующих знаков являются символизм, синкретизм, поливалентность (многозначность), амбивалентность и изоморфизм.

О символичности мифов говорят все исследователи. Действительно, миф имплицитен, поскольку скрывает значение за образами и символами. В нем ничего нельзя понимать буквально, и в этом есть проявление символической природы мифообразующих знаков. Символ – знак в мифе – соотносит описываемое с огромным числом смыслов, что углубляет содержательную структуру мифа. Более того, одни и те же фрагменты мифа могут иметь несколько толкований и пониматься в различных понятийных плоскостях. В древности полагали, что смысл сакральных текстов может быть раскрыт с помощью ключей. Современные люди не имеют представления об этих ключах, поэтому подлинный смысл священных писаний остается закрытым.

Одна из важнейших функций мифического символа состоит в связи вещи или явления, с одной стороны, и идеи (т.е. идеи о вещи) – с другой. На это указывали еще древнегреческие философы, усматривавшие в этой взаимосвязи трансцендентный смысл. Так, Пифагор полагал, что через символ, который, по его мнению, буквально означает «соединение, совпадение», осуществляется соединение этого и того мира. Положение о тождестве идеи и вещи является, как известно, одним из основных в учении Платона.

Синкретизм мифообразующих знаков следует понимать как понятийную нерасчлененность. Именно в синкретизме – истоки из сложной валентности. Синкретизм обуславливает и смысловую амбивалентность этих знаков, т.е. каждый такой знак может соотноситься также с противоположными смыслами. Амбивалентность мифообразующих знаков объясняет, почему на уровне мифологических (и фольклорных) реалий часто происходит так называемое «переворачивание сюжета»: основные персонажи обмениваются своими функциями, персонажи с «положительной» семантикой легко превращаются в своих антиподов.

Миф удивляет современного исследователя своей «алогичностью». Он как будто игнорирует и отрицает все основные категории мышления. Тем не менее в Мифе есть своя логика, но это совершенно иная, живая логика, или логика живого организма: в мифе явления оказываются связанными между собой особой каузальностью. В Мифе связь (или ассоциация) возникает по сходству, аналогии, по смежности. Другими словами, каждое сходство, смежность (пространственно-временное соседство), контакт порождает причинную последовательность, которая в мифе имеет совер-

шенно другое содержание, нежели научное мышление устанавливает для отношения причины и следствия. Такого рода каузальность обуславливает действующий в мифе особый механизм порождения новых смыслов, и в ней следует искать истоки метафоричности Мифа.

В мифе сходство отождествляется с сущностью, признак явления – с самим явлением. Это объясняет, в частности, почему эпитет божества, т.е. одно из его качеств, легко превращается в имя божества, служащее его заместителем.

С отношениями тождества и соответствия, которые в мифе связывают признак и вещь, корреспондирует принцип изоморфизма, одно из основополагающих свойств как мифообразующих знаков, так и мифа в целом. Смысл этого принципа в том, что часть равна целому, каждый элемент структуры является представителем всей структуры: из одного элемента может быть воссоздана вся система и вместе с тем система может быть сведена к одному из составляющих ее компонентов, а пространство – к одной его точке.

Принцип изоморфизма характеризуется многочисленными манифестациями на всех уровнях мифа как структуры. Так, мифоним (имя божества), который следует рассматривать как сакральную формулу и сложный понятийный комплекс, может быть представителем конкретного мифа в целом: из мифонима может быть развернут весь миф. С этим статусом мифонимов согласуется роль в культовой практике геральдических символов. К ним следует отнести, например, арфу Орфея, кадуцей Гермеса, перо древнеегипетской богини Маат. Функцию символов могут выполнять также животные и деревья, например, сокол для древнеегипетского бога Ра, медведица или лань для древнегреческой Артемиды, дуб или бук для Юпитера. Практически каждое божество может персонифицировать всю Вселенную. Вспомним, что Юпитер рассматривался не только как верховный, но и как единственный бог («все полно Юпитером»), как Душа или Разум Мира. Славянский Род – бог Вселенной и имя Вселенной, т.е. сама Вселенная [2, с. 59].

Принцип изоморфизма маркирует в мифе взаимную соотнесенность, эквивалентность, тождественность элементов. У стоиков эта идея сформулирована очень сжато как «внутренняя взаимосвязь целого». Представление древних о «тотальном изоморфизме различных сторон Бытия», которое отмечает И.М. Дьяконов, на наш взгляд, и есть отражение этой структурно-понятийной особенности мифа.

Особые отношения у мифа и с такими основополагающими категориями, как время и пространство. В мифе содержится информация о реальных событиях. При этом миф не объясняет Мир, а представляет его в модусе разворачивающейся, проявляющейся Вселенной. Собственно, структура мифа в некотором смысле напоминает раскручивающуюся пружину. Аналогичным образом представлены в мифе время и пространство, образующие единое нерасторжимое целое, в котором обе категории связаны сложными отношениями соответствий, взаимовлияния и взаимопереходов. Время здесь не линейно и не дискретно. Оно по-разному «течет» и может, как тонко подметил А.Ф. Лосев, проявляться в «системе различных уплотненностей», соотносимых с определенными пространственно-временными зонами, через которые проходит Мир в процессе своей эволюции.

Миф и мышление человека-носителя мифических представлений составляют единое целое. Миф, проникая в сознание человека, определяет его восприятие, жизнь и отношение к другим людям. В мифе заложена программа всех его мыслей и поступков. Миф определяет специфические черты мыслительной деятельности человека, направляя мысль по определенному руслу, а не наоборот, как полагает большинство исследователей, уверенных, что миф порождается «мифологическим мышлением». Термин «мифологическое мышление» предполагает принципиальное отличие мышления «примитивного» человека (или человека «мифологического периода») от мышления современного человека.

Другое важное явление духовной жизни, которое связано с мифом, – язык, хотя эта связь и не так очевидна. Язык всего лишь одна из проекций мифа, хотя, несомненно, важнейшая, поскольку мысль всегда стремится облечься в слова. Миф и

язык имеют много общего. В сущности это единый феномен духовной культуры. Миф и язык сближает общая знаковая природа. В языке манифестируются основные формы знака, точнее, «призрака», который «пришел» вместе с Мономифом. Сходными путями происходит в обеих системах развитие знака: языковые и мифообразующие знаки обладают своего рода ядерной структурой, из которой, как из исходной точки, «иррадируют» развиваясь, новые смысловые компоненты. Более того, диверсификация смыслов в системе языка перекрещивается с движением понятийных элементов мифа. Обнаруживается, в частности, что некоторые «неясности» в лексике того или иного языка проясняются на основе мифологического (и фольклорного) материала. Сюда, видимо, следует отнести и проблему омонимов.

Язык, этот совершенным способом устроенный инструмент, также являет собой встречу трансцендентного мира с нашим миром: правила, составляющие фундамент любого языка, есть отражение космических законов, которые есть суть проявления мирового закона. Как и миф, язык представляет собой структуру смысловой систематизации: язык классифицирует явления мира, обобщает и объясняет. Именно благодаря классифицирующему принципу, присущему языку, и является возможным общение посредством языка: и говорящий, и воспринимающий речь понимают, о каком элементе общей системы идет речь. У мифообразующих и языковых знаков есть своя энергетическая сила, направляющая мысль по определенному руслу.

Миф и язык в основе своей символичны. Как и миф, проецирующийся на словесном уровне в текстах различной степени закрытости, язык может соотноситься с информацией различной модальности: язык способен скрывать мысль, в том числе с помощью символов. Различные функции языка были знакомы людям уже с древности. Египетские жрецы, по словам древнегреческих авторов, владели тремя способами объяснять свою мысль. Первый способ был ясный и простой, второй – символический и образный, третий – священный и иероглифический.

Во многих учениях древности говорится о священном характере языка, слов и букв (звуков). Так, в иудейской мистической традиции разрабатывалось учение о сокровенном знании каждой буквы еврейского алфавита. Названия букв рассматривались как имеющие высокий смысл аббревиатуры, которые разворачиваются в некие формулы. Древнеиндийская традиция, ориентированная, скорее, на звуки, трактовала их как элементы большой разрешающей силы.

Содержание мифа находится в соотнесенности с Мировым Законом, который может пониматься достаточно широко: как порядок, ненарушение порядка, гармония, красота – как отражение гармонии, справедливость, некая благодатная симметрия и т.п. Борьба добра и зла, являющаяся отражением идеи конечного торжества Мирового Закона, составляет основу сюжетно-понятийной канвы фольклорных текстов. Представляется совершенно понятным, почему идея Мирового Порядка, одна из фундаментальных в символике Мономифа, легла в основу всех религиозно-философских и религиозно-этических учений, которые разрабатывали ее в терминах высшей нравственности. Как полагает М. Элиаде, к первичному мифическому концепту Мирового Закона миропорядка восходят, в частности, основные идеи современного правосудия. Идея пути, понимаемого как свод правил, норм поведения, как концепция высокой нравственности, составляет основу духовной жизни каждого социума и также относится к универсалиям, о которых речь шла выше.

Таким образом, мифы представляют собой архетипы, заполненные символами; они несут важнейшую функцию сохранения социального опыта в коллективной памяти, они соотносят «желаемое» с опытом и задают тем самым алгоритм общественного развития. Поскольку социальный опыт – результат определенного взаимодействия различных объектов, коллективная память должна содержать, помимо их отдельных цельных образов, и совокупный зрительный образ некой истории, эмпирически фиксирующей данное взаимодействие. Образ такой истории в ее иносказательно-символическом выражении мы, собственно, и называли мифом.

Список литературы

1. Гулыга А. Миф и современность: О некоторых аспектах литературного процесса / А. Гулыга // Иностранная литература. – 1984. – № 2.
2. Смазнова О. Ф. Личность и миф (о субъекте мифической речи) / О. Ф. Смазнова // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 56–65.

References

1. Gulyga A. Mif i sovremennost': O nekotoryh aspektah literaturnogo processa // Inostrannaja literatura. – 1984. – № 2.
2. Smaznova O. F. Lichnost' i mif (o sub#ekte mificheskoy rechi) // Voprosy filosofii. – 2008. – № 6. – S. 56–65.

КУРСИВ В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «БЕЛАЯ ГОЛУБКА КОРДОВЫ»

Макимова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

В статье раскрываются функции курсива в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы». Курсив выступает средством оформления структуры «речь в речи» и «текст в тексте», является признаком кинематографичности прозы автора. Д. Рубина продемонстрировала ресурсы курсива как средства, позволяющего решать различные художественные задачи.

Ключевые слова: курсив, фрагмент, монтаж, кинематографичность, «чужая речь», «текст в тексте».

ITALICS IN ROMAN D. RUBINA “WHITE THE PIGEON OF CORDOBA”

Maksimova Natalia V., Candidate of Philology, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatishchev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The article is revealed functions of italics in the novel “Belaya golubka Kordovi” of D. Rubina. Italics acts as means of registration of structure “speech in speech” and “text in text”, and it is a sign of a cinema of author’s prose. D. Rubina showed resources of italics as means, allowing to solve various art tasks.

Key words: italics, fragment, installation, cinema, “another’s speech”, “text in text”.

Курсив (наклонный типографский шрифт, в котором строчные (малые) буквы имеют начертание, близкое к рукописному) является одним из самых старых и распространенных средств графического оформления текста. Функциональные возможности курсива как способа привлечь внимание читателя к наиболее важным смысловым единицам текста, расставить необходимые акценты, выделить ключевые слова и т.п. были оценены и продемонстрированы классиками русской литературы (Ю.М. Лотман указывал на «исключительно большую роль» курсива в построении авторской речи в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин») [2] и учитываются в писательских практиках современных авторов. Среди них особенно интенсивно пользуется курсивом Д. Рубина. В ее романах «На солнечной стороне улицы», «Белая голубка Кордовы» им выделены не только отдельные слова, словосочетания и предложения, но и довольно значительные по объему фрагменты текста. Курсив стал неотъемлемой частью ее художественной техники, полифункциональным приемом.

В романе «Белая голубка Кордовы» курсив выполняет традиционно закрепившуюся за ним в литературе функцию сигнала «о вкраплениях в повествование элементов “чужой речи”» [2], представленной в романе весьма многообразно. Прежде всего, из авторского повествования курсивом выделены отдельные слова и словосочетания, принадлежащие главному герою романа – Захару Кордовину – гениальному копиисту, «благородному разбойнику» и мошеннику; человеку, предавшему самого